

ЕЛЕНА
АМЕЛИНА

16+

ДРЛЛЕКЛН

РАССКАЗЫ

Елена Амелина

Арлекин

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Амелина Е.

Арлекин / Е. Амелина — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Любовь, поражающая словно тяжелая болезнь. Встреча, перевернувшая жизнь. Ночь, пахнувшая полынью. И еще что-то такое, о чем знаете только вы...

Содержание

Арлекин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арлекин

Она вошла в зал и осмотрелась. Все выглядело как обычно, как каждый четверг, когда она приходила в этот ночной клуб. Всегда приходила, несмотря на болезни и неприятности, плохую погоду или пробки. Лишь нездоровье кого-либо из двоих детей могло ей помешать. И если такое случалось, неизвестно, что больше тревожило ее: страх за ребенка или непонятное сосущее беспокойство, желание поскорее оторваться от привязи и любой ценой обрести свободу.

Она была больна, совершенно больна, осознала и приняла этот факт, и теперь тщательно скрывала от окружающих.

Все началось давно, кажется, вечность прошла, а не шесть месяцев. И если сложить вместе выступления, на которых она побывала, то получится 48 часов полновесного счастья.

Она старалась не думать, что было бы, и как обеднела ее жизнь, если б однажды знакомые не привели ее в клуб посмотреть шоу. О, боже! Как она была недовольна. Шоу? От этого слова так и тянет пошлостью. К тому же ради чего после тяжелого дня ее вытащили из дома, оторвали от телевизора и уютного банного халата? Что нового можно увидеть на тридцатом году жизни в Москве? Да и шоу-то никакого не было, так, легкий номерок на пятнадцать минут, не больше, но вся ее жизнь оказалась перевернута. Стало невозможно дышать, есть, спать, не грезя постоянно об одном и том же – о следующем четверге.

Официант проводил ее в зал и нашел место рядом со сценой.

В этот раз рядом, а бывало, она садилась куда придется – это не имело никакого значения, потому что ОН всегда находил ее взглядом, где бы она ни сидела.

Поначалу она думала, ей только кажется, будто маска смотрит на нее. Захваченная атмосферой праздника, жизни, бурлящей на сцене, она была почти уверена, что и официанты, и гости замечают ее, следят за ней, многозначительно переглядываются. Конечно, позже ощущение необычности проходило, и она убеждалась, что и люди заняты собой и официантам нет дела ни до чего, кроме работы, но лишь до того момента, пока не появлялся ОН.

Никто не мог оставаться равнодушным, глядя на него. Официанты застывали у колонн, зрители ничего не заказывали, пьяные трезвели, а те, кто были трезвы, надирались сразу же после номера. Женщины вздыхали от страсти, мужчины – от зависти. Его же глаза всегда отыскивали ее в зале, следили за ней, реагировали на любое движение, настроение. Своим танцем он разговаривал с ней, хуже того – он ее соблазнял! Но в этом-то и была прелесть. Его выступление всегда было немного чересчур: агрессивнее, эротичнее, откровеннее, чем просто ухаживание. Женщины облизывали пересохшие губы, ерзали на стульях. Потели их ладони, подмышки, промежности. Мужчины же, поначалу недоверчивые к публичному порыву раздеть их дам, постепенно зверели и доходили даже до ненависти, если Арлекин был уж совсем откровенен. Их челюсти плотно сжимались, на скулах вырастали желваки, а кулаки сами собой непроизвольно готовились к бою.

Искушение – какое сладкое слово. Военные действия, пленение, ультиматум, надежда на спасение, отринутая со страхом и, наконец, полная капитуляция, жизнь полная иллюзий, богатство альтернативы там, где ее нет и быть не может, яркие краски, специи и пряности – вот что такое его танец.

Это была их тайна, с тех самых пор, как она пришла сюда одна.

Возможно, каждый день он выбирал себе новую жертву, но она старалась не думать об этом, умышленно давя в себе ростки недоверия и ревности, и никогда не пыталась увидеться в другое время. Четверг был их день, время равных возможностей, когда есть шанс забыть об

основной жизни и начать новую, на один вечер, в которой все по-другому. Под угрозой развода не согласилась бы она отказаться от своего маленького еженедельного счастья.

Ни разу никто из них не делал попыток сблизиться по-настоящему. Всего один танец, обращенный к ней, и оба исчезали во мраке. Она еще просиживала полчаса, замирая от сладости и дрожа всем телом, скрывая эту дрожь и тем еще больше наслаждаясь, ощущая себя королевой над простыми смертными. Кумир, которому только что все рукоплескали, чьим искусством восхищались и кем не на шутку увлекались дамы, этот идол, свысока расправлялся с чужими восторгами и дарил всего себя только ей одной.

Бывало, он обращался и к другим женщинам тоже, позволяя себе такое, что кавалеры невольно терялись. Но лишь затем, чтобы подразнить ее – об этом ясно сообщал брошенный взгляд. А наигравшись, как кошка с мышью, с очередной красавицей, бросал ее ради той, что скромно сидела у стены и была едва видна за головами.

Если бы это было возможно, дамы завалили бы его деньгами и букетами, но никому не приходило в голову попытаться каким-то образом наградить его. Он был король, и власть его простиралась так далеко, что, пожелай он, любая пала бы к его ногам.

И словно настоящий самодержец, он был надменен, но как! Нехотя, утомленный страстью, снисходил он до женщин, и они поклонялись ему, как секс-идолу, как мужчине. Об этом говорили их лица, их напряженные тела, их нетерпение.

Всегда сильно загримированный, неизвестно, был ли он красив, но уверенность в себе исходила от него такой плотной волной, что не увлечься хоть на время танца было невозможно. Конечно, то была игра, но ей неизменно казалось, что он забрел сюда, как и она, случайно.

Ей нравилось чувствовать себя его жертвой – это было так приятно и так щекотало нервы. Она была даже готова подхватить игру, если он вдруг сойдет с площадки и подойдет к ней, чего никогда не случалось, и тогда она смутно понимала, что в этом их спасение.

Однажды он не пришел. Что это была за мука! Она сделалась больна, не спала всю ночь, строя разные догадки, планы отмщения в ее голове сменялись тоскливым предчувствием несчастья.

На следующее утро взяла себя в руки и ... жила так, словно потеряла смысл жизни. В четверг не хотела идти, но пошла, побежала, полетела, невзирая на стыд (ей мнилось, что все знают ее тайну и смеются над глупой самонадеянностью). Сколько трудов ей стоило казаться спокойной, когда из-за занавеса, в круге прожектора появилась знакомая рука и махнула ей, потом нога, потом он весь, одетый как Арлекин. Она и не подозревала, что костюм паяца может возбуждать столько чувственных желаний! Вся ее жизнь без остатка была посвящена этому костюму.

Иногда ее вдруг одолевали сомнения, что она единственная, ради кого шоу продолжается, пока однажды к ней за столик не подсел мужчина с явным намерением приударить. Поклонник повел себя вызывающе, навязывая свое внимание и общество. Она молчала с досадой и с удовольствием сравнивала этого воздыхателя и того другого, кто должен был вот-вот появиться.

Он вышел в немыслимом облачении, начал издалека, и тогда она впервые услышала его голос. Конечно, это была запись, но его самого, в том не было сомнений. Низкий, хрипловатый, вкрадчивый, голос, которым вас будит любовник после почти бессонной ночи, вызывающий шквал воспоминаний о любви, свершившейся и о ее предчувствии. Она тут же забыла и свое раздражение, и страх, и сидела, как привинченная, ни в силах оторвать взгляд от брызг мишуры.

Гипноз все продолжался, когда назойливый шепот проник в мозг и разрушил колдовство. Она встрепенулась, ощутив чужое горячее дыхание слишком близко от своего уха. Назойливый гость явно не терял времени даром, вот уже полчаса, не смолкая, он все вещал что-то, сально похикивая. Она сердито сдвинула брови – не помогло, слегка отодвинулась – ноль

внимания. В отчаянии она взглянула на сцену, и тут произошло чудо – их взгляды встретились, она заметила короткий кивок куда-то поверх ее головы – то был сигнал, и официант, принесший вино, уронил бокалы прямо на брюки ее незадачливого соседа. Тот выскочил из-за стола как ошпаренный и, провожаемый подобострастными извинениями, удалился прочь, чтобы уже никогда не возвратиться.

С тех пор она больше не позволяла себе сомнений. Уверенная в своей исключительности, она, в свою очередь, жила теперь только одним мужчиной, и этот мужчина вытеснил всех остальных, даже ее собственного мужа.

Ее муж. Они прожили вместе достаточно долго, чтобы с лихвой насладиться недостатками друг друга. Теперь она скорее любила детей в его лице, чем его самого. А ему, ему никогда не хватало времени на семью. Удачливый бизнесмен, он вел какую-то свою жизнь, которая по большей части проходила в офисе, за стеклянными аквариумными перегородками и ореховым столом в его кабинете и текла своим руслом, отдельно от нее и детей. Ей и не полагалось ничего знать, ибо с самого начала их брака она твердо уверилась, что муж не может ей изменять. А первые же попытки ревности с ее стороны были резко пресечены, в результате чего ей дали понять, что ревность, ровно, как и другие изъятия чувств, особенно на публике, не уместны.

Теперь же нашу героиню просто распирало от желания поделиться с кем-нибудь своим открытием счастья, доказать самой себе, что ее любовь не мираж и не приснилась ее изголодавшемуся воображению.

В один из четвергов она решилась, наконец, вытащить в клуб свою подругу, с тем, чтобы, посвятив свежего человека в тайну, получить ответ, на мучавший ее вопрос.

Подруга была проверенная, давно знакомая, весьма практично смотрящая на жизнь, а после громкого развода утратившая, по ее собственным словам, остатки бывших иллюзий.

Минут пять после выступления обе женщины, находясь под впечатлением, сидели молча, пока сильно волнуясь, она не спросила:

– Ну, ты это видела?

– Да, – подтвердила подруга, – номер был неплох.

– Неплох – ты шутишь! Это было... – на мгновение она запнулась, подбирая слова, – волшебно!

– Не удивлюсь, если хозяин делает хорошие деньги на этом клоуне.

Вероятнее всего, он выступает только по четвергам, что-то я не видела его раньше, хотя девчонки из салона мне все уши прожужжали, теперь-то я понимаю, почему.

– Он тебе понравился? – спросила она, замирая, боясь и желая услышать положительный ответ.

– Да, ничего себе. Но тонны грима! Послушай, у него, наверное, вся кожа уже обвалилась. Оскорбленная за своего кумира, она сказала:

– Он в меня влюблен.

– Серьезно? Ты с ним встречалась?

– Нет... – она поколебалась, не зная как лучше приступить к объяснению, – мы встречаемся здесь каждый четверг. У нас такие отношения... виртуальные, понимаешь? Не смотри на меня так, я и сама понимаю, как глупо это звучит.

– Конечно, глупо. Ты свихнулась. Да у него баб до полсотни каждый день, нашла в кого влюбляться! К тому же, я знаю точно, все эти артисты гомики и твой не исключение. Ну да, его фамилия Хофман, Курт Хофман. Это про него в сети писали, что он нигде не задерживается больше года, мотается по всему миру, дает выступления и настолько жаден, что даже импресарио не держит. Они все голубые, уверяю тебя. А ты что, – внимательно поглядела на нее подруга, – ты что, шляешься сюда каждый четверг? Каждый божий четверг? Из-за того, что думаешь, он все представление для тебя играет? Да с чего ты взяла?

– Я не знаю, нет ничего определенного, – она расстроено заморгала.

– Дорогая, в наш век компьютерных технологий глупо думать, что существует платоническая любовь. Если мужчина хочет – он берет, если нет, он скажет, что занят на работе, уверяю тебя. Бабы склонны себе напридумывать. Выдумают черт-те что, а потом мужчин обвиняют в невнимании.

– Нет, ты не поняла, у нас все по-другому, – слабо отбивалась она.

– У нас? А как же муж?

Она смутилась

– А что муж? У него своя жизнь.

– Вы вместе не спите?

– Спим, – она помедлила, – но это все совсем другое.

– Что другое?

– Не знаю, думала, ты мне pomoжешь разобраться.

– Ну что ж, значит, тебе повезло, и ты встретила настоящую любовь.

– Ты издеваешься?

– Нет, что ты, я завидую. И давно это у вас? Что, уже полгода? И не надоело? Видать, и в правду, серьезно. Он что, вытаскивал тебя на сцену, танцевал с тобой, лапал? Не кривись, не кривись. В моей ростовской юности это так называлось.

– В том-то и дело, что он никогда ничего подобного не делал.

Она опять запнулась, понимая как смешны все ее уверения, не имея под собой никаких материальных доказательств.

Подруга посмотрела на нее внимательно.

– Знаешь, я должна увидеть это своими глазами еще раз. Возможно, я что-то упустила. Какая жалость, что у него только один короткий номер. Кроме него в этом проклятом клубе больше делать нечего. Договоримся на следующий четверг, ладненько? Вот и славно.

На том они и расстались, но до следующего четверга наша героиня не дожидаясь. Она вошла в него совершенно новой женщиной, и вот как это случилось.

Однажды, это было в воскресенье, намучавшись с приболевшими, и от того капризничавшими все утро, детьми, она случайно подняла трубку телефона, собираясь позвонить матери, и услышала параллельный разговор с другого конца дома из кабинета мужа. Голос был знаком, и она заинтересовалась и прислушалась прежде, чем поняла, что подслушивает.

– О, милый! – вещал приятный тембр, – она совершенно в ауте. Ты не в курсе, что она выжила из ума, твоя благоверная и влюбилась по уши в стриптизера из клуба? Серьезно! Зато теперь у нас есть время для встреч – каждый четверг ее как ветром сдувает. Ты не заметил? А, ты в тренажерном зале по вечерам... теперь не нужно ничего выдумывать, и у нас есть совершенно законные три часа. Уверяю тебя, ее оттуда и калачом не выманишь... будет сидеть, как пришитая, осталось только уверить, что этот клоун действительно на нее запал. Не волнуйся, для тебя он не представляет никакой опасности. Как я уже сказала, – хихикнул голос, – он нетрадиционной сексуальной ориентации, но пусть твоя думает, что он мужик, нам так удобнее.

Дальше слушать она не могла. Знакомый мир рушился на глазах. Все реальное оказалось сном, и только фантазия оставалась более-менее живой, на нее, как на маяк, в полном своем крушении была вся ее надежда. Она лишь переживала, что в случае разрыва станет с ее детьми, как сложится их судьба? Никто в здравом уме не бросит преуспевающего мужа без вредных привычек (если не считать ежедневный фитнес, невнимание к семье и весенне-осенние обострения невропатии) и не побежит на край света со стриптизером. Или такие случаи бывают?

Раньше она никогда не задумывалась над тем, счастлива ли? Жизнь текла своим порядком, монотонно, без взлетов и падений, поделенная между магазинами, детским садом и

домом. Мужа почти никогда не бывало рядом, он был очень занят, а редкие моменты их близости проходили как-то механически ровно, ни страсти, ни дурацких ласковых словечек на ухо, ни энергии, даже раздражения и того не возникало.

Она жила так всегда и не знала, что может быть по-другому. Хофман, с его шоу, стал для нее открытием.

И сейчас в ней не было ненависти, обиды, ревности, словно ее душа только ждала отмашку, разрешение на взлет. Измена мужа, предательство подруги, не шли ни в какое сравнение с потерянными годами, когда она верила в свой брак, в порядочность человека, с которым жила, в его любовь к ней единственной. Да, пусть он никогда не показывал своих чувств, но ведь он не давал поводов подозревать обратное. Или она просто ничего не замечала? А может права ее же подруга, и она все себе напридумала, в том числе и семью?

Ей не пришлось в голову бороться за этот обман, выяснять отношения или постараться убрать соперницу с дороги. Возможно, она именно так и поступила бы, да, так, как делают тысячи обманутых женщин, наивно полагающих, что борьба за любовь – это то, что они должны делать, чтобы возвратить утраченное счастье. Возможно. Год назад. Но не сейчас. Ей не нужно было цепляться за прошлое, потому что настоящее захватило ее целиком, а грядущие отношения с мужем не вписывались в картину счастливого будущего. Униженная самыми близкими людьми, не колеблясь, сделала она свой выбор.

Не мешкая и ничего не объясняя, она оставила детей и, сославшись на неотложные дела, выскочила из квартиры. Что делать, куда бежать? Она решила, что найдет своего Арлекина и непременно объяснится с ним. Но где его можно найти в воскресенье? Ей пришлось в голову поехать в клуб и, сочинив какую-нибудь историю, постараться узнать его адрес.

– Курт Хофман? – спросил охранник, сдвинув брови. – А кто это?

Ей пришлось объяснить.

– А-а..., – глубокомысленно протянул детина, – спросите там, у осветителей, может они знают...

– Курт? – спросили ее со сцены, – да он где-то здесь, готовится к шоу со своими ребятами. Посмотрите в примерке или в артпомещениях.

Итак, вот оно! Ей повезло и он в клубе. Как сладко и тревожно забилося ее сердце. Что он скажет, когда увидит ее, как поведет себя? Сделает вид, что не узнал? Обрадуется? А может смутится, испугается? Как у нее дрожат колени. Наверное, он тоже будет взволнован и в первый момент не поверит своим глазам. Вот сейчас она подойдет к его двери, откроет ее и увидит....

– Wer seid ihr? Was wollen Sie damit? (по-немецки: Кто вы? Что вам надо?)

Перед ней стоял невысокий, шуплый человечек, с морщинистым, словно скомканным лицом, с блеклыми глазами и волосами, стриженными коротко под ежик, крючконосый и прямой словно палка. Еще не веря в свою катастрофу, скорее догадываясь, чем зная, она тихо прошелестела одними губами:

– Курт? Курт Хофман? Это вы?

Она надеялась, что ошиблась.

– Ja, das ist mir, Hoffman. Was wollen Sie damit? (Да, это я, Хофман. Чего вы хотите?)

Она замерла. Это убожество просто не могло быть ее идолом, ее сценическим демоном. Такое невозможно! Невозможно ни при каких обстоятельствах. Где тот роковой красавец, перед которым тускнеют все мужчины вечера, о котором грезят женщины, и которого даже официанты почтительно называют «наше чудо»? Собрав остатки мужества и все знание английского, не слыша себя, она спросила:

– It's me. Do you recognize? (Это я. Вы меня узнаете?)

Редкие почти невидимые брови Арлекина поползли вверх.

– Shall I? (А я должен?)

Это был удар. Она побледнела и пошатнулась, не в силах произнести больше ни слова. Ее Арлекин начал заметно нервничать. За его спиной замаячили еще люди: мужчина, весь вид которого выдавал в нем представителя сексменьшинств и женщина, с лицом, показавшимся нашей героине, самым неприветливым на свете. Парочка подошла к двери, явно заинтересовавшись разговором.

– Listen, – услышала она и словно очнулась, – if you’ve got questions, apply to my administrator. (Послушайте, если у вас есть вопросы, обращайтесь к моему администратору)

И дверь начала закрываться перед ее носом. Она не могла это выдержать. Остаться без спасительного якоря, без ориентиров в жизни, без любви, разом потерять и семью и надежду на счастье, обмануться во всем и быть еще выкинутой за дверь без объяснений, без передышки. Ее «нет!» прозвучало как вопль, когда она вцепилась в дверь со всем протестом, на который была способна. В ее безумных умоляющих глазах, побелевших пальцах, сорвавшемся голосе дышало такое отчаяние, что могло напугать и смягчить кого угодно. Нотки сочувствия впервые прозвучали в обращенных к ней словах:

– What’s happened? (Что случилось?)

И тогда она сказала это, сказала единственное, что пришло ей в голову на чужом языке и что в реальности еще десять минут назад не имело никакого значения, а сейчас навалилось тяжелой ношей и раздавило ее:

– My husband has another woman. (У моего мужа другая женщина)

Сказала и закрыла глаза, чтоб не видеть ни презрения, ни сочувствия в чужих. Разве немцы что-то могут знать о жизни? Разве у них случаются трагедии? Что они в своей благополучной Европе могут знать о ее рухнувшей жизни? Как можно было допустить мысль, что они умеют любить?

Арлекин цокнул языком, качнул в досаде головой.

– Damn, sister! – услышала она его голос, – Come in. (Черт, подруга! Войди-ка.)

И он, заграбастав ее шею рукой, грубо втолкнул ее внутрь.

Дальше она помнила смутно, как, не стыдясь, выла у него на груди, даже не пытаясь заглушить рыдания, как кто-то принес и подsunул ей воды, она выпила, задохнулась, опалив нёбо, поперхнулась виски, долго кашляла и сморкалась в какое-то цветное тряпье. И только через какое-то время почувствовала, что жива. Разбита на голову, но жива.

Начав, наконец, воспринимать речь вокруг, она услышала, что вся троица о чем-то горячо спорит по-немецки.

– Calm down, sister. Everything gonna be all right. Your man’ll come back, you’ll see. (Успокойся, сестра, ладно? Все будет хорошо. Твой муж вернется, вот увидишь.)

Она лишь в отчаянии качала головой в ответ.

– I don’t want him. I don’t want men at all. (Я его больше не хочу. Я вообще больше не хочу мужчин.)

Кто-то тронул ее за руку.

– Hush, lady. You turn it upside down. We’ve just discussed something.... Bring your husband next Thursday. We’ll make a show for him. He’ll be pleased. No one can ask for more for the last show. (Потише, подруга, не переворачивай все с ног на голову. Мы тут кое-что обсудили... Приводи своего мужа в следующий четверг. Мы для него такое шоу устроим! Это как раз то, что нужно для последнего выступления.)

Домой она вернулась поздно и тут же легла спать, сказавшись больной. Вряд ли кто-либо усомнился в ее честности. Всю ночь ее колотило и рвало, как будто она и вправду была жестоко больна.

Убедить мужа отправиться в четверг с ней вместе в клуб не составило большого труда. Как она и подозревала, любопытство в нем взяло верх над всегдашним снобизмом.

Странная это была троица: муж, жена и любовница. Ей стоило огромных усилий сдерживаться, играя роль прежней жены и подруги, поэтому она все больше молчала, боясь обнаружить истинные чувства, отводила взгляд, избегала прикосновений, так что любовники и могли бы что-то заподозрить, если бы были меньше заняты собой.

В этот раз официант действительно узнал ее и проводил всю компанию, как и было задумано, к определенному столику в центре зала.

Она была здесь еще раз после того злосчастливого воскресенья. Курт сказал, нужна репетиция, и она пришла и полностью отдала себя во власть декораторов, осветителей, постановщикам сцены и многим другим людям, не видя которых в шоу, даже не подозревала об их вкладе в чудо. Это они делали так, чтобы оно сработало, обольщение состоялось, а Арлекин смог показаться во всем своем блеске. Он все еще оставался идолом, на которого и работали все эти человеческие муравьи, по кирпичикам складывая его могущество, но без них не бывать ему никогда королем.

Француженка Софи, показавшаяся поначалу такой неприветливой, оказалась его балетмейстером, а парень с серьгой в ухе и женоподобной фигурой – звукорежиссер по имени Серж, как потом выяснилось муж и счастливый отец троих детей.

Она подружилась со всей интернациональной командой. Объясняя номер, люди были к ней очень внимательны. Искушая плохой английский богатой мимикой и жестами, они все вместе смогли донести до нее смысл танца и ее роль в нем.

Она же восхищалась своими партнерами, их деловитостью, практичностью, отточенностью движений, бюргеровской (как она для себя называла) педантичностью, и как потом из всех этих далеких от артистизма качеств, рождалось действительно высокое искусство обольщения.

Единственный, кого она так и не узнала толком, был сам Хофман. Он безоговорочно слушался Софии на сцене, а надо сказать, она была настоящий диктатор и сухарь во всем, что касалось ее профессии, и делал вроде бы, что она говорила, но стоило зазвучать музыке, как все у него выходило так да не так. Как это англичане говорят: словно сыр и мел. Был мел сухой, чопорный и мертвый, а родился вдруг живой и пахучий, вкусный сыр.

По тому, как смотрела на Хофмана балетмейстер во время танца, было понятно, что Софи влюблена в него по уши, а на свой откровенный вопрос наша героиня услышала: «Нравится ли мне Курт? Да я его обожаю! Он настоящий артист!» И в глазах Софии засверкали огоньки.

Наверное, Софии есть, за что его боготворить, размышляла она, чувствуя легкие покалывания зависти.

Вне сцены Арлекин вел себя очень отстраненно. «Маска, а не человек», – замечала она самой себе с досадой, – «ходячий манекен».

Да, он мог улыбаться, что-то говорить, реагировать на происходящее, но то ли его постоянно прямая спина, то ли бесцветность глаз и волос, мешали увидеть в нем живого человека. Словно он жил в коробке, раскрашенной под самого себя – ни тебе живых эмоций, ни игривости, ни даже задумчивости.

Как же далека я была от истины, – думала она, вспоминая свои былые мечты, – когда наивно верила в его любовь. Для меня он весь был полон жизни, и он таким и становится, но только лишь на сцене и для всех без исключения женщин.

День репетиции прошел прекрасно, она даже смогла отвлечься на время от своих переживаний, захваченная сложной игрой. Еще не совсем понимая, как и что работает, и каким образом будет выглядеть в окончательном варианте, она все равно была благодарна за одно только, что ей позволили поучаствовать в великом процессе обольщения женщин.

Готовилось нечто грандиозное. Как потом оказалось, грядущий четверг должен был стать кульминацией, завершением сезона. Контракт истек, а Хофман никогда не продлял его более оговоренного срока.

Жизнь его была расписана на десятилетия вперед, все хотели себе Арлекина, самые модные буржуазные клубы Европы наперебой зазывали его к себе, соблазняя запредельными гонорами, соревнуясь между собой, кто даст больше.

Он был в своем роде звезда. Только тихая, без громкой славы, поистине ночная, редкая и неповторимая, ровно как и неповторяющаяся никогда. Черпая силу в своих фантазиях, артистизме и эксцентричности, он с деловой хваткой вел свою маленькую труппу из города в город, из страны в страну. И люди шли за ним, бросали семьи, стабильную работу на одном месте, медицинские страховки и знакомых с детства психоаналитиков и ввергали себя в пучину и коловорот бесконечных гастролей, не ради денег, а ради того редкого мгновения сопричастности чуду, которое дарит одно лишь творчество.

Итак, вот оно! Сейчас должно свершиться. Она заметно волновалась. Главное, ничего не перепутать и ни о чем не забыть. Ее роль невелика, но важна и даже окончательна. Именно ей предстоит поставить точку в целом году восхитительных искушений, которым подвергались женщины ее города, всем этим адюльтерам, первым влюбленностям и последним угасаниям чувств, превращениям неживой плоти вживую и наоборот. Было от чего занервничать. Меньше всего ей хотелось бы подвести кого-нибудь из команды.

Но была ведь и еще причина, ее личная, почему она должна была, просто обязана оказаться на высоте – эта парочка, сидящая сейчас рядом с ней и разыгрывающая свою, как они думали, бесподобную и остроумную партию. Что ж, держитесь! И смотрите не улетите под напором моих труб и того милого пустячка, что развеет вас по воздуху, думала она, сжимая потные от волнения пальцы.

Наконец представление началось. Под негромкую музыку артист показался на сцене. Здесь он был моложе, выше ростом, хорошо сложенным, сияющим внутренним светом, страстью в каждом движении, азартом покорять. Короче, он опять стал собой и превратился так естественно, так без потерь, из немца Хофмана в грациозное и опасное животное, в Арлекина.

Кожаные обтягивающие штаны, белая свободная рубашка, которую он потом сбросил, обнажив прекрасный торс (и почему в гримерке он показался ей шуплым), скорее жилистый, чем накачанный, но весь поигрывающий, влекущий, плотски живой, абсолютно босой и без головного убора или ремня или галстука, таким он предстал на сцене, не имея больше ничего, кроме розы. Огромной алой розы на неестественно длинном стебле.

В этом-то цветке и было все дело. Чего он только с ним не делал. Только тогда она поняла, как важно для такого артиста, как он, не иметь лица в прямом смысле этого слова. Быть серым, блеклым, невнятным, как бы смазанным на лицо, чтобы ничто не отвлекало от тела и его движений.

Ей казалось, что весь зал глухо стонет про себя. И в этот раз мужчины даже больше, чем женщины, ибо роза, которую он бесстыдно развращал на сцене, и была та самая женщина, которую воделеет каждый мужчина с юности до седых волос, могущественная еще более от того, что здесь инстинкты облекались в высокое искусство и вполне оправдывались им.

Вдруг ритм поменялся. И вот он уже танцует с ней танго и ненавидит ее за свою слабость, и ревнует ко всем мужчинам в мире, и насилует и просит прощения и опять насилует. Ах, что это было! Вот так, наверное, когда-то играл Паганини, на единственной струне удерживая сотни людей от выдоха, в полете одной только ноты проживая долгую человеческую жизнь.

Но вот бьется что-то хрустальное, роза отринута с отвращением и яростью, и начинаются долгие поиски того, ради чего мужчины бросают женщин. Тоска, смятение, обманчивые победы и всепобеждающий обман, депрессии, слезы – здесь есть все, и залу становится трудно

дышать, у многих заболела голова, а кто-то вспомнил себя и предательство и оттого затих, зажался в себе, иссяк.

– Он гений! – шепчет ее подруга хриплым от волнения голосом.

И даже у мужа глаза широко открыты, влажны, он весь внимание, напряжен и подался слегка вперед, словно боясь пропустить любую мелочь.

Она сама сидит, забыв обо всем на свете, ее уже не волнует своя история, но непередаваемо важна та другая на сцене, а финал кажется невозможным, неестественным, как в сказке, а жизнь, в которой она дышит, наоборот, реальна, так как же они пересекутся?

Но все идет своим чередом, и к розам возвращаются, их находят, если повезет даже живыми, неувядшими, чтобы отныне отдавать им свою жизнь день за днем, радуясь их свету и моля о любви. Так и он, тихо жалуясь, нашептывал ей слова любви, покорно принимая других мужчин ее жизни, ее капризы и плохое настроение, позволяя играть собой, склоняя голову перед ней, признавая ее совершенство и подчиняясь ее превосходству, и все же желая ее страстно и болезненно до самого итога.

И вот легкие пальцы уже бегут по длинному шелковистому стеблю, не замечая его шипов и своей боли, роза стремительно огибает дугу, проносится над залом и указывает куда-то прямо, абсолютно точно, уже без аллегорий. Вспышка прожектора, музыка, бьющая в лоб, барабанная дробь, как в цирке, и она в круге света, нагая и совершенно растерянная. Словно и не было никакой репетиции, истерзанная, раздавленная, а совсем не торжествующая, и черный зал вокруг, ахнувший, да так и застывший, и под конец дождь розовых лепестков, сыплющихся откуда-то сверху, ярких бабочек в столбе света, кружащих, падающих под ноги, сающихся на плечи, усыпающих все вокруг.

Еще мгновение и зал взрывается аплодисментами. И он быстро сбегает со сцены и отдает так просто розу розе, а после так же легко и бесшумно исчезает из жизни навсегда.

Овации не стихают еще долго. А дома ее ждет скандал.

– Как ты могла? Что это значит? – и сотни разных других вопросов и ответов не новых, как сама измена.

– У меня с ним ничего нет, – тихо шелестит она, сама не зная зачем. Никто, конечно, не собирается ей верить. Материальнее доказательства, чем та роза, что сейчас лежит на кровати, быть не может.

Потом звонит та, что называла себя ее подругой, в ее голосе столько злобы и зависти, что хватило бы на сотню любовниц в отставке.

– Ты, может быть, думаешь, что твой муж тебя ревнует и любит, так вот, он – со мной; ты, может быть, воображаешь, что я у него первая, так вот – не обольщайся.

И так далее все в том же духе. А скандал, как гроза, гремит по нарастающей. Дети в ужасе забились, кто куда и притихли.

– Ты – плохая мать, – следует удар, – ты и жена никудышная. Какой от тебя толк, холоднокровное бревно? Шлюха, блядь, да тебя убить мало....

Дети уже рыдают.

И катарсис.

– Я не желаю больше жить с тобой! Пошла прочь из моего дома. Нет, лучше, я сам уйду, мне здесь все противно, а больше всех ты.

– Наорался? – это уже ее вопрос и ее очередь бить. – Я знаю, ты с моей подругой.... А до этого еще и с другими...

– Да я чувствовал заранее, что тебе на меня наплевать, и на детей наплевать и на дом.

От несправедливости у нее темнеет в глазах, но она молчит, задохнувшись, ждет продолжения, чтобы испить эту чашу до дна. Всплывают вдруг такие пустяковые обиды, но введенные в ранг первопричин, они выглядят в глазах ссорящихся теми колоссами на глиняных ногах, что падая, погребают под собой останки семейного очага.

– Вот в прошлом году я сказался больным, чтобы не отвечать по телефону, а ты меня все равно позвала. Ты меня предала!

– А ты вовремя в жизни домой не пришел, а когда я заболела, ты и тогда не пропустил свой тренажерный зал.

– А у тебя дети вечно ходят грязные. Себе ты тряпки покупаешь регулярно, а на них и копейки потратить жаба душит.

– А ты такой занятой, что даже забыл, как мать зовут, я дарю ей на день рождения подарки.

– А твоя мать – чертова алкоголичка и чтоб я ее здесь больше не видел.

Затем на свет божий вытаскивается старье.

– Да ты меня достала своей ревностью, следишь, вынюхиваешь. Ты мне не веришь! (Вот чудеса!) Чтобы я в компании ни сказал, ты никогда не слушаешь. Ты меня не уважаешь!

И нет конца упрекам и разоблачениям. Хлопают двери и щелкают со злорадством замки.

Но все иссякает, к счастью или нет, и ссоры тоже. Обоим страшно вот так навсегда расстаться в одночасье. Следует бурное примирение и бурный же секс. И оба бьются в постели не на жизнь, а на смерть, но это все равно конец. А после пустота.

Утро, как после бури, но только не свежо, а мертво. Дети у бабушки, и дом погружен в полуболезненное забытие. Словно бы какая дымка висит повсюду.

Она – в кровати. Все вчерашнее кажется сном. Хорошее и плохое – все смазалось и странным образом переплелось в ее голове.

Вдруг телефонный звонок: «Это я. Я думаю, нам надо развестись. После того, что ты сказала.... Я буду давать деньги на детей, и квартира пусть останется у тебя – не могу же я детей выгнать на улицу, – но это все».

Она зарывается глубоко в подушки и рыдает до вечера. А вечером он приходит забрать кое-какие вещи. Он так и говорит: кое-какие. И конечно не может удержаться от комментария:

– Своей выходкой ты разрушила нашу семью.

– Никакой семьи и не было. – И это ее приговор.

Бежать за ним, умолять простить, быть выше его измен и несправедливости, проявить то, что называется женской мудростью, когда существует единственная мудрость на свете – быть счастливой! Ну, уж нет.

– Да, кстати, чтоб ты не думала, что из меня можно делать клоуна, я твоему стриптизеру накостылял, как следует.

– За что? – она прижимает руки к груди.

– Он теперь надолго запомнит, что значит русский мужик, тля немецкая.

Не в силах смотреть, как он собирает вещи, умышленно долго, по- садистки копаясь в каждой комнате, она одевается и уходит.

Ноги сами несут ее в клуб.

– Привет! – расплывается в улыбке охранник. – Я вчера видел шоу. Сменился с корешем. Клево было. Вам Хофмана? Его, по-моему, нет. Эй, Толян, ты не видел Курта сегодня? Нет? Ну, я же говорю. Он, наверное, дома. Они ж закончили. Все. Фенита. Знаете, где он живет? На Ленинском, они там квартиру снимают.

Адрес есть, но она колеблется, идти или нет? Существует Арлекин или нет? Иллюзия, все иллюзия. Вот только драка реальна, – вспоминает она и берет такси.

Кодовый замок работает, но дверь в подъезд распахнута, и это знак войти. На звонок долго никто не открывает, наконец, замок щелкает, и она видит перед собой кого-то из осветителей. Черт, забыла его имя. Вежливым жестом, отстранившись с прохода, ее приглашают войти.

– He's over there. See him next door to the kitchen. (Он где-то там. Дверь рядом с кухней.)

Квартира в сталинском доме огромная, пятикомнатная, с потолками в три с половиной метра и коридорами, теряющимися где-то в сумеречной дали.

По голосу она находит нужную дверь. Кто-то и здесь явно ссорится.

Войдя, она видит сердитое лицо Софи.

– Hi! Damn you! (Привет! Черт бы тебя побрал.)

– Sophie! Shut up, o.k.? Glad to see you. You did your best yesterday, – это уже, кажется, ей. (Софи! Замолчи, хорошо? Рад тебя видеть. Ты была неотразима вчера.)

Вот он сидит на диване, на таком прозаическом, в дурацкий цветочек, диване, настоящий живой Арлекин. Губа рассечена, кровоподтек через всю правую часть лица, глаз заплаыл. Костяшки пальцев сбиты, ладони замотаны, похоже, и ребра пострадали, судя по повязке.

– It's my husband? It's because of..... – замирая, спрашивает она, боясь услышать правду. (Это все мой муж? Это из-за ....)

– No, I've told Sophie, husbands round the world wish to kill me. It's o.k. I've got used. (Нет, я же сказал Софии, мужья по всему свету мечтают разделаться со мной. Все нормально. Я привык.)

– Bull shit! It's all her blame. (Черта с два! Это все она виновата.) – и Софи тычет пальцем в сторону несчастной героини шоу, но, не выдержав характера, улыбается.

– Say, it was super? Serge, – зовет она кого-то из соседней комнаты, – Look at him. He's got his portion of bruises. Oh, men, I'm outraged. Really, really, outraged. They conducted as boys. (Скажи, это было классно? Взгляни-ка на Сержа. Он тоже получил свою порцию синяков. Ох уж эти мужчины! Я в ярости. Они вели себя, как мальчишки.)

На лице у Сержа просветов больше, но зато его рука в лангетке. С бутылкой пива в здоровой руке, он плюхается на диван рядом с Куртом.

– Wir haben ihre! (Мы надрали им задницы) (по-немецки)

– Что? – роза смущенно моргает.

– Oh, we gave them the finger, lady. (Мы дали им жару.)

– It's childish, is it not? – спрашивает Софи и, усадив, наконец, гостью, выскакивает за чем-то на кухню. (Ну разве, они не дети?)

– You said they... how many were they? – Решается спросить роза, после паузы. (Вы сказали они..... Сколько же их было?)

– Three or four.... I didn't see... and you... Kurt... did you count them? – счастливо смеется Серж, закидывая загипсованную руку на диванные подушки. – Kurt got more than me. (Трое или четверо. Я не видел... а ты, Курт, ты их считал? Курту досталось больше, чем мне.)

– It's o.k. I used to be young, once long ago, – и он попытался улыбнуться. (Ничего. Я тоже был молод. Когда-то очень давно.)

С этой улыбки, как она потом вспоминала, все и началось. Где же она могла видеть этот задиристый блеск в глазах, прихотливый изгиб губ, морщившихся от боли, слышать этот мягкий голос такого приятного тембра, спокойствие и уверенность во всех движениях, и запах .... Что это за парфюм? Да ведь это же он, ее Арлекин! Или нет? Что за черт, так он реален или ....?

Еще не осознавая, что делает, она быстро сказала, очень быстро, гораздо быстрее, чем надо, словно боясь, что ее прервут и, глядя прямо в его светлые глаза:

– Marry me. Merry me, please. (Женитесь на мне. Женитесь на мне, пожалуйста.)

Эпилог

Маленький частный домик где-то в Германии.

– Знаете, малышня, я уже сто раз вам рассказывал, как познакомился с вашей мамочкой, а вы все туда же, – говорил, сидя на ступенях в окружении детворы, пожилой мужчина, со спиной прямой, несмотря на его возраст, – так вот она сказала, женись на мне, а я, не будь дураком, и согласился. Я уже давно подумывал покончить со своей кочевой жизнью и открыть

в родном городе танцевальную студию. Мне было уже за сорок. Чем соблазнять женщин по всему свету, не лучше ли сыграть счастливый спектакль для одной своей фрау? Я выступал во многих странах, видел много людей, имел успех, но вашу маму я считаю самой главной удачей в своей жизни.

Духота семейных квартир

Отрадин лениво пробирался по вокзалу со спортивной сумкой через плечо, медленно расталкивая людей и бросая угрюмые взгляды на иных особенно рьяных пассажиров.

Курортный сезон еще только набирал свои обороты. В Москве стояли теплые июньские денечки, и столичные жители потягивались сладостно, вспоминая о ласковом море, шашлыках на набережной и легком необременительном флирте. Иные уже разминали члены на низком старте, готовые к новому отпускному марафону, но еще не настолько активно, чтобы начать в бешеной свалке скупать все билеты, на все виды транспорта с единой целью – вырваться наконец из опостылевшего за долгую зиму мегаполиса.

Отрадину было абсолютно все равно, куда ехать, и в последний момент он решил, что поедет в Сочи. На работе ему посоветовали пригородный отель и выдали отпускные в довольно приличной сумме, которые он намеревался спустить все, до единой копейки. Что поделать, если человеку, с которого еще не вполне выветрился тюремный запах, решительно не с кем было отдохнуть у моря. Хотя, ясное дело, он надеялся развлечься.

У него была довольно грубая внешность, крупные черты лица, железная мускулатура, скрытая ярким спортивным костюмом, а главное, выработанный с юности во имя спасения, скептический взгляд на вещи. Он родился, как это обычно и бывает у людей подобной биографии, в так называемой, неблагополучной семье с отцом-алкоголиком и матерью, которой некогда было уделять сыну ни времени, ни любви. Находясь в вечных разъездах, она редко бывала дома, а приезжая, старалась не задерживаться надолго. Сына естественно лупила.

Учился Лешка хуже среднего, слыл первым хулиганом, ненавидел, когда много говорят, не принимал ничьих установленных правил, кроме своих, и не имел никаких талантов, разве что некоторые врожденные актерские способности, которые по странной случайности были замечены и употреблены в дело школьных спектаклей.

Театр помог ему выжить, не спиться, как многие его ровесники, имеющие даже и более ответственных родителей, и не связаться с дурной компанией всерьез, чтобы сразу после школы угодить за решетку. Два года в драматическом кружке он вспоминал, как лучшее время в своей жизни.

В армии он увлекся спортом, получил первый разряд, но на гражданке спортивные достижения сослужили ему, как ни печально, плохую службу. Его бицепсы, могучая челюсть, сложенный нос были оценены по достоинству и применены в дело неким криминальным авторитетом, который в результате происходящих в стране революционных перемен, вытянул, в конце концов, не счастливый билетик депутатской неприкосновенности, а черную метку солнцевской братвы, а заодно с ним, кто пулю, а кто нары получили и все его подельники.

Отрадин загремел на пять лет.

Когда он вышел, его как оторванный листок швыряло из одной крайности в другую вместе с большей частью активного населения страны в те годы. Долгое время он осваивал китайский рынок и, нагрузившись под подбородок полосатыми сиреневыми тюками, вместе с другими такими же ходоками трясся Христа ради в поездных тамбурах и багажных отделениях самолетов, минуя семь часовых поясов. Поднакопив денег, увлекся было созданием собственного бизнеса, и погорел. Начал сначала и снова погорел, разоренный на сей раз не собственной экономической безграмотностью, а государством и его махинациями с деньгами.

Никак не из любви к учебе, а только ради получения бумажки, закончив заочно институт, он, наконец, неплохо устроился у бывших дружков на фирме, купил даже загородный коттедж и BMW – самую крутую тачку по тем временам, а потом снова сел, уже за экономические преступления. Мир переменился пока он сидел, Алексей Отрадин остался прежним.

Он выбрал Сочи, потому что это был единственный город, в котором он когда-то отдыхал и где провел пять незабываемых развеселых денечков в бытность свою директором одной подставной оффшорной фирмы.

В вокзальной духоте он нехотя перелезал через цыганские тюки и сумки вездесущих вьетнамцев, равнодушно глядел на толстых усталых женщин в платках с корзинами и тележками, набитыми до отказа всякой всячиной. Он жалел, что выбрал поезд, а не самолет. Его уже тошнило от суеты, снующих туда-сюда людей и разлитого в пространстве ожидания.

Голос в динамике объявил прибытие скорого из Ельца. От подошедшего поезда пахнуло яблочными пирогами, запах разнесло по всем платформам, и он зверски защекотал носы голодных пассажиров, повеял дальней дорогой, встречами и разлуками, заставил их вскочить в нетерпении и рвануться на посадку, побросав в спешке жен, ревущих детей и вещи.

Подхваченный толпой, Отрадин отправился на поиски своего состава. Мимо, держа тюки даже в зубах, повесив тяжелые сумки на шею, торопились потные люди. Все они боялись, что поезд уйдет без них, хотя до отправления было еще далеко.

Впереди Отрадина, зажатая другими пассажирами, шла девушка в узкой юбке и кофте на бретельках. Неся в руках увесистый чемодан и сумку, она с трудом удерживала равновесии, балансируя на высоких каблуках. Тяжелая ноша не позволяла ей идти вровень с общей массой, поэтому ее беспрерывно толкали.

Отрадин пристроился за ней и некоторое время с отстраненным интересом наблюдал терзания незадачливой дурехи. Он заметил синюю жилку, вздувшуюся на шее, худенькие напрягшиеся руки и тонкие красные от натуги пальцы, вцепившиеся в ручку чемодана, и ему вдруг стало досадно чего-то. Поэтому он протянул руку и взял ее вещи.

– Вы бы еще ходили надели, – нехотя и грубо проворчал он в ответ на удивленный, торопливо брошенный, взгляд огромных карих глаз.

Пылающие щеки, лоб покрытый бусинками пота и приоткрывшийся от удивления рот юной пассажирки – все раздражало Отрадина. Он не любил собственного великодушия и не верил, что кто-то может быть за него благодарен, поэтому, едва взявшись за чемодан, он уже пожалел, что поддался мимолетному порыву.

– Спасибо, – услышал он, – девятый вагон, пожалуйста.

Это меняло дело. У него тоже был девятый. Оказалось, что они ехали в одном купе.

Отрадин закинул вещи на третью полку и устало опустил на пыльное сидение.

Вагон был грязным. Сквозь немытые стекла небо казалось загорелым. Рыжий надорванный кем-то оконный тент никак не желал подниматься, и его с большим трудом удалось поставить на место. Крахмальные занавески на проволоке глупо топорщились в разные стороны, а пол, покрытый трехнедельным слоем пыли, навевал воспоминания о тюремном лазарете, где Отрадин провалялся месяц с подозрением на туберкулез.

Новая знакомая оттерла пот со лба и хозяйским взглядом окинула нежилое купе.

– И здесь нам предстоит жить больше суток, – вздохнула она и откуда-то из бокового кармана сумки достала влажные салфетки. Умело и быстро протерла залатанные дерматиновые сиденья, обшарпанный столик, с шербатыми от пивных крышек краями и ту сторону окна, что была ей доступна.

Отрадин подивился такой предусмотрительности, самому ему и в голову бы не пришло что-либо менять.

В грязном окне мелькали тени других пассажиров и провожающих их чад и домочадцев, доносились голоса, смех и ругань – куда без нее. Неожиданно под потолком включилось радио и загорланило модный мотивчик, плавно перешедший в «Славянку».

– Тута что ли мое место? – неожиданно услышал Отрадин как раз в тот момент, когда впереди забрезжила надежда на приятное путешествие в обществе одной только молоденькой попутчицы.

Но его мечтам, увы, не суждено было исполниться. В купе ввалилась толстуха с узлами и огромной хозяйственной сумкой, заменяющей ей чемодан.

Женщина была точь в точь такая, каких на вокзале, наверное, сотни, есть даже целый отдельный класс подобных пассажиров, путешествующих по всем направлениям нашей необъятной родины. Они везде одинаковы – и на Дальнем Востоке выглядят и пахнут точно так же, как в Калининградской области.

Грузно вздохнув, она скинула все вещи на полку и уселась сама, расставив ноги и расстегнув трикотажную синтетическую кофту до самого лифчика.

Сразу следом за теткой появился худощавый пожилой мужчина с портфелем, явно командировочный. Холодно поприветствовав присутствующих, он снял куртку, и, протиснувшись к окну, замахал жене, пытаясь что-то втолковать ей через закрытое окно.

Тетка взглянула на него с подозрением, и, обведя глазами присутствующих, занятых своими делами, достала из-за пазухи грязный платок, зашпиленный булавками, вытерла им пот с шеи и засунула обратно.

Поезд, наконец, тронулся. Все замахали, закричали последнее «прощай». Пока вагоны тащились вдоль платформы, духота от напряжения стала невыносимой. Наконец вокзал остался позади, началась новая жизнь и все сразу почувствовали это.

Проводники выполняли свои обязанности по проверке билетов, кричали на беспризорных пассажиров, не успевших вовремя в свой вагон и обезумевших от суматохи, а дети уже ныли, просясь в туалет.

Началось мерное существование под стук колес.

Отрадин снял ветровку и, чтобы не мешаться в общей тесноте, залез на верхнюю полку. Внизу копошились люди. Командировочный тут же развернул молчаливую кампанию за привилегии и права пассажиров, появившись в дверях купе с желтым постельным бельем под мышкой. Тетка ахнула и, отодвинув довольного попутчика с порога, кинула свою внушительную фигуру в бой с проводниками.

Пока все стелились, Отрадин молча наблюдал свои кроссовки. Тетка, вздохнув, опустилась на тканевое покрывало и принялась вытаскивать из толстой сумки туалетные принадлежности и съестное, тут же разложив его на столе. После чего, в результате ее манипуляций, на нем не уместилась бы и коробка спичек.

– Сынок, шел бы ты за бельем, – сказала она Отрадину, откупоривая об стол бутылку кока-колы.

– Успею..., – он, наконец, спрыгнул вниз.

В тесном, шатающемся коридоре было прохладно. В наступающих сумерках колыхалась белая занавеска. Отрадин выглянул в окно. Состав поворачивал, растянувшись по насыпи. За стеклом мелькали живописные картины Московской области.

Под потолком зажглись мутные желтые лампы. Мимо Отрадина деловито прошествовала проводница, дежурно улыбнувшись.

В купе он вернулся со своей долей сырого серого белья в плотно закупоренном целлофане. И свежим умытым лицом.

Девушка лениво жевала помидор, глядя в окно, чего не скажешь о тетке – эта ела с воодушевлением.

Командировочный уже давно утнезидился у себя наверху, сисясь в потемках разглядеть газету – нощник над его полкой не работал.

Отрадин вспомнил о существовании вагона ресторана и, захватив бумажник, удалился, хлопнув дверью под неодобрителный взгляд из-под очков своего соседа.

В ресторане было чуть прохладнее и чище, чем во всем поезде. Положив локти на столик, он удобно устроился у окна, против хода поезда и молча смотрел на мелькающие с опозданием семафорные огни и одинокие станционные прожектора. Жаркое, заказанное Отрадиным, оказалось обычными котлетами с макаронами. Бутылка белого сухого вина дополнила незатейливый ужин.

Было довольно мрачное настроение, даже паршивое. Он больше всего на свете ненавидел именно это настроение и потому, лениво ковыряя котлету, нехотя посматривал в окно, пока там еще можно было что-то увидеть. Когда же, наконец, окончательно стемнело, он вынужден был перевести внимание на попутчиков за соседними столиками. Это мало помогло развеяться.

Нигде одиночество не чувствуется так сильно и не переносится так тяжело, как в вечернем поезде среди людей, которые едут к кому-то и которых будут встречать на вокзале или ждать дома у телевизора. Оставив недопитое вино, он вышел в тамбур затянуться сигаретой. Рядом курила томная блондинка. Серые тени резко обозначили усталые глаза, однако потухший взгляд загорелся вновь, остановившись на крепком привлекательном мужчине рядом.

Отрадин вдохнул свежий ночной воздух, перемешавшийся с запахом трав и железнодожного мазута. Кровь быстрее побежала по жилам. Он знал, что нравится женщинам даже после того, как заговаривает с ними. Однако на этот раз он решил не торопиться, сделав вид, что попутчица его не интересует. Испытанный прием заинтересовать женщину.

Блондинка влажно облизнула губы и глубоко затянулась, выпустив дым в приоткрытое окно.

Мимо них проследовали запоздалые посетители ресторана.

Алексей взглянул на соседку и предложил ей еще сигарету. Она отказалась, поблагодарив, но осталась стоять рядом. Между ними уже установилась особенная поездная солидарность людей, запертых в тесном пространстве. Нужно было только начать.

– Вы не знаете, когда следующая остановка? – спросила женщина, заинтересованно вглядываясь в далекий красный глаз семафора.

Мимо прогремел товарняк, и поезд пошел медленнее, а вскоре совсем встал.

– Кажется, уже стоим, – Отрадин взглянул на светящийся циферблат часов, – без пяти одиннадцать. Следующая остановка поздно ночью.

– Ненавижу ездить в поездах. А вы?

Алексей неопределенно пожал плечами.

– Едешь домой? – спросил он, переходя на ты.

Он чувствовал, что здесь это можно и даже нужно сделать.

– Отдохнуть, а ты? – поддержала знакомство попутчица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.